

Рассказы

В городе Z на одной из электроподстанций ещё утром произошла авария, и что-то её никак не могли устранить – электричество в городских кварталах то появлялось, то пропадало снова. Понятно, что это раздражало горожан. Особенно эта раздражительность начала проявляться вечером. Ведь осенние вечера (впрочем, как и весенние, зимние и даже летние) в городе без электричества, когда нет тихого свечения торшера, бормочущего телевизора, кабельного интернета, в конце концов, когда просто темно в квартире, это, скажу я вам, вещь малоприятная.

– Да когда этот бардак закончится? – Анатолий Сергеевич, сорвав с носа очки, зашуршал газетой, да так, что казалось, он рвёт её в клочья. – Маша! Где там наши свечи?! Жажги, а!

Густую темноту разбавили вспыхи зажигалки и свечей – одна, вторая, третья.

– Пойду, поставлю чайник. Слава богу, хоть газ подается бесперебойно, – спокойно сказала Мария Николаевна, покочившись с закиганием свечек. Она сложила на журнальный столик волосатый клубок шерстяных ниток и недовазанный носок, пронзённый спицами.

– Маша, ты на кухню? Но ты же заберёшь с собой свечи, Маша! – прорывчал Анатолий Сергеевич Буров. Вытянутый, в майке и тренингах он лежал на диване, на его груди кошкой притихла скоманная газета. В свете свечей он выглядел так, как будто бы умер.

– И что? Полежишь несколько минут в темноте, ничего с тобой не случится. – Мария Николаевна, поднявшись с кресла, взялась за блюдо со свечками.

– Стоп! Я с тобой. – Буров ожил, вскочил с дивана и засеменил вслед за женой. Он не выпускал из рук скоманную газету, а вот про очки забыл.

Они перешли на кухню. Бурова занялась чайником, Анатолий Сергеевич притупился к торцу прямоугольного стола.

– Плохо, что мы отвыкли запасаться свечками, – посетовал Буров.

– Особенно теми, что нужны для романтического ужина? – философски, я бы даже сказал, с намёком, заметила супруга.

– Черт! Ничего не вижу. – Буров разворачивал-разглаживал газету и пытался что-то в ней прочесть.

– Толик, побереги глаза, совсем ослепнешь, – предостерегла мужа Мария Николаевна.

– Дай мне твои очки, – в ответ то ли попросил, то ли приказал супруг.

– Не дам. – Мария Николаевна с вызовом поправила на своём худеньком личике болтающиеся старомодные очки. – Я сказала: зрение своё побереги! – И она вырвала из рук мужа газету.

В общем-то, Мария Николаевна была покорной, или точнее сказать – покладистой женой, а ещё она всегда старалась оберегать мужа от любых напастей, как могла, все двадцать лет, что с ним прожила. И Буров это знал, поэтому стойко перенёс потерю газеты. Только нос, уставший от очков, потёр, И привычно прорывчал:

– Пирог готов?

– Потерпи ещё минут десять. Твой любимый пирог с капустой доходит. Дали свет.

– Нет, это какое-то издевательство! – прорывчал Анатолий Сергеевич и, забрав у жены газету, сиганул обратно в комнату, к очкам и дивану. – Маша, позовешь?!

– Позову, Толик, позову! – отозвалась Мария Николаевна и вынула из кармашка халата мобильный телефон. Она задудала свечи и набрала сыну.

– Лёхе звонишь?! – раздался из комнаты недовольный голос мужа.

– Ему! Хочешь с ним поговорить?! – Нет, не хочу!

А Лёха в это время тоже только что задудал свечи (потому что в городе дали свет), но эти свечи были не простые, копейные, а такие, знаете, с благословениями, с везеньями, с купидончиками, короче, это были свечи, предназначенные для романтических встреч. Те самые (помните?), о которых намекала мама Лёхи отцу Лёхи.

Что сказать о сыне Буровых. Двадцатилетний Алексей Буров – дважды не состоявшийся студент, потому что дважды пытался поступить на гуманитарные факультеты местного университета (бюджетная форма обучения), но всё – неудачно. Любимое

занятие – социальные сети и... книги. Да-да. Что, удивились?! А вот, бываёт в наше время ещё такое: одно из

его страничку одной из социальных сетей.

Вырубили свет. – Заколебали! – выкрикнул Алексей и похвалил себя: – Это хорошо, что я ноутбук не забываю подзаряжать. Экран компьютера продолжал светиться. Город Z погрузился в темень.

– **Убью!** – заорал Анатолий Сергеевич.

– Кого? – хихикнула на кухне Мария Николаевна, зажигая свечки. – Электриков, электромонтеров, министра энергетики! Всех, кто связан с электричеством! – грозился Бу-

Олег ПРЯНИЧНИКОВ

Крутое селфи

ров.

– Толик! Пробирайся на кухню, чай и пирог на столе! То-оли-ик! Иди сюда, тут такая романтика, – сказав это, Мария Николаевна вдруг запела каюк-то песенку своей молодости.

– Романтика... – продолжал ворчать муж. – Какая тут к чёрту романтика!

В чёрной комнате что-то заскрипело, что-то упало, что-то упало... На кухне появился Анатолий Сергеевич Буров. Взъерошенный, без очков и без газеты, он поглаживал ушибленное плечо.

– Понаставят мебели, повесят двери! – срывающимся фальцетом пожаловался Буров.

– Садись, дорогой, – пригласила за стол супруга мужа.

– И свечек-то у нас больше нет в запасе, – противно пожаловался Буров.

– Ничего страшного, всё равно скоро спать ложиться. Садись. Вот твой чай, пирог я разрезала.

Усевшись на табурет, Буров принялся уплётать кусок пирога с капустой, заливая его горячим чаем. На его острое – под стать жены – лицо падали жёлтые блики, исходящие от трёх догорающих свечек. Бурова, сложив трудолюбивые руки на груди, снова тихо замурлыкала песню своей молодости.

– Что говорит по телефону наш балбес? – поинтересовался Анатолий Сергеевич.

– Не называй его так, Толик. Он наш единственный ребёнок, – прервав свой напев, напомнила супруга.

– А я говорю – балбес. Два года дурака валяет – ни учёбы, ни работы. Да, насчёт работы, к нам на завод народ набирают. Могу его пристроить к себе на участок. Пусть пока поработает учеником слесаря, а там, глядишь, и на разряд даст.

– Наш сын – ученик слесаря? Как ты это себе представляешь, Толик?

– А что тут такого? Я тоже когда-то начинал учеником слесаря. А теперь я начальник участка.

– Послушай, дорогой. А может... может... может нашему сыну всё же поступить учиться на коммерческой основе? Он ещё успеет в этом году поступить.

– Не-а, не получится, – осадил супругу Анатолий Сергеевич. – Учёбу на коммерческой основе нам не потянуть – чёртова ипотека. Пускай на бюджет поступает, или устраивается на завод и сам себе оплачивает учёбу, или, вообще, пусть в армию идёт!

– Какая армия, Толик? У ребёнка плоскостопие. Забыл?

– Плоскоумие у него, – огрызнулся Буров.

– Ой, что-то мне тревожно сегодня, – нехорошо вздохнула супруга.

– Да ты с чего это, мать, – забеспокоился за жену Буров. – Ты, это, преракшай, тебе нельзя волноваться. Только что песни пела, а тут на тебе – заволновалась она. У тебя давление случало не подскочило?

– Не подскочило, – улыбнулась Бурова.

– Ну, ты это, ты не вздумай мне перерезать на ровном месте. – Анатолий Сергеевич шутиливо погрозил пальцем и положил руку на руки жены.

– Маша, а ты что свой пирог не ешь? Знаешь, какой он вкусный!

– Знаю, Толик, знаю...

Ура! Включили свет! Алексей наконец-то дозвонился Ирине.

– Привет, Ирина!

– Привет, – сухо ответила девушка.

– Ириночка, где ты? Вчера обещала прийти ко мне в гости, а самой всё нет и нет. Быть может, я всё же зайду за тобой, или встречу тебя? Скажи, ты сейчас где находишься?

– Э... э... Алексей... Не надо меня встречать, – тон голоса девушки не

предвещал ничего хорошего. – Прости, сегодня столько дел, да ещё в городе эти проблемы со светом. Подожди, а я точно вчера обещала прийти к тебе в гости?

– Точно. – Наивный Алексей простодушно пожал плечами.

Неожиданно в телефоне раздался девичий смех. Это был смех Ирины.

– Не понял? – ошелел Алексей. – Ты что, забыла о нашей встрече сегодня вечером у меня дома?!

– Может и забыла. – И снова – смех. Нехороший смех. Предательский.

– Ирина, ты издеваешься надо мной?!

– Лёшенька! Я просто пошутила, когда пообещала прийти к тебе в гости!

– Разве такими вещами шутят... – Худые мысли заполняли голову Алексея. – Разве можно вот так, за просто, играть такими словами?

– А что тут такого? – совершенно искренне удивилась девушка. – Ну, сходишь пару раз в кино, в кафешке посидели разок и что? Дело-то житейское.

– Но я тебя сегодня так ждал... и жду, – промямлил Алексей.

– Кхе-кхе, кхе-кхе, – девушка по имени Ирина как следует откашлялась, видимо приготовившись к некому объяснению с Алексеем. А вот и оно – объяснение: – Лёшка, пойми, у меня с тобой был лёгкий флирт и только. Ты не обижайся, а? А вот с Виктором у нас всё по-серьёзному.

Для справки: Виктор – это один из тех самых четырёх друзей, с коими иногда тусовался Алексей.

Алексеем вдруг стало душно, он рванул ворот нарядной рубашки. Пуговицы застучали по полу.

– А ты как будто не замечал, что мы любим друг друга? – повышая градус, продолжала объясняться Ирина. – Он, знаешь, какой крутой. Знаешь, какое он селфи делает, какие ролики в интернет выкладывает? Видел в Ютубе, как он на крыше высотки салют исполняет?

– Ну, видел.

– А как он забрался на башенный кран и уселся на самом кончике стрелы. Видел такое?

– Видел. Но это, что же всё – обыкновенная глупость. – Тут Алексею казалось, что он абсолютно прав.

– Это не глупость, а смелость. Где ты – Лёшка, и где Виктор. Лёшка! Виктор – спортсмен, смельчак, очень крутой чел, а ты – хлюпик, мамин сынок. Вон, твоя мама почти каждый день к тебе приходит, даже непонятно – отдельно ты живёшь от родителей, или нет. Лёх, прости за откровенность, но я тебя просто жалела. Ты спрашивал: где я сейчас нахожусь? У Виктора я нахожусь. Лёха, пойми – любовь у нас с Витей, любовь.

И снова – смех. Только не одной Ирины, а и Виктора, Димы, Тани, то есть всей компании, которая *иногда* позволяла с ними тусить Алексею. Иногда. Не сегодня...

В телефоне воцарились тишина – Алексей сам оборвал связь. Он несколько раз обошёл вокруг стола и вдруг одним махом всё смёл с него, даже мaminы фужеры не пожалел. Раздался звон стекла. Юноша вышел на балкон, который отец всё время собирался застеклить, но руки всё как-то не доходили. Несмотря на позднее время, в городе было светло – вовсю горели уличные фонари, так же люди наслаждались электричеством в домах. Было прохладно, слегка моросил дождик. С высоты четвёртого этажа Алексей смотрел на редких людей, на припаркованные машины. А ещё ему почему-то захотелось увидеть звёзды, но хмурое небо было без звёзд...

Нажав на "вызов", Алексей поднёс к уху мобильник: – Виктор, привет! – Здорово, Лёха! – В телефоне были слышны весёлые голоса и смех.

– Я так понял, вся компания у тебя дома, – констатировал факт Алексей. – Ты угадал. Извини, что тебя не пригласили. Хотя, можешь присоединиться.

– У меня к тебе, Витёк, другое предложение. Хочешь прямо сейчас посмотреть, как я снимаю крутое селфи? Оно будет несколько не хуже твоих, поверь мне.

– Не, Лёха, в этом деле меня никому не переплюнуть. Да и какой из тебя крутой селфист. Не смейся, а!

– А ты приезжай с ребятами к моему дому. На такси денег найдёте? В общем, так: я повисну на одной руке на перилах своего балкона, а другой буду снимать себя на видео.

Виктор что-то сказал компании. В телефоне раздался такой хохот, что Алексей чуть не оглох.

– А не позновато ли, Лёха, для селфи? Давай завтра, днём.

– Витёк, да у меня во дворе такое освещение, лучше чем в Голливуде. Витёк, ты только представь: человек висит, держась одной рукой за свой балкон, четвёртый этаж. Сам себя снимает. Не хило?

– Не хило. Насколько я помню, у тебя балкон не застеклён. Хорошо. Изобрази тогда в комнате как можно больше света. Но, я всё равно думаю, что у тебя кишка тонка на такое селфи.

– Ну, так прикатывайте и увидите: тонка у меня кишка, или нет.

Виктор снова что-то сказал ребятам. На этот раз ответного хохота не было.

– Лады, Лёха. Мы берем тачку и едем к моему дому. Но если струсишь, то ставишь нам ящик пива. Идёт?

– Замётано. Ирине привет... ещё раз.

– Да, Лёх, насчёт нас с Ириной... Но Алексей дальше разговаривать не стал.

Буровы приготовились ко сну: оба, в пижамах, лежали на двуспальной кровати с книжками в руках. А электричество пока (тыфу-тыфу-тыфу) не исчезало. И славно горели ночники по бокам большой кровати, и хорошо читалось Анатолию Сергеевичу, а вот Марии Николаевне читалось плохо – мешали тревожные мысли.

– Толик, мне сегодня не уснуть, – отложила на тумбочку книгу Бурова.

– Маша, хватит заводить себя и меня. – Буров сохранял олимпийское спокойствие.

– С нашим мальчиком что-то сегодня случится. Трагедия может произойти, Толик! Я звоню ему. – Бурова набрала на мобильном телефоне звонок сыну. – Он не отвечает, Толик!

– Спит, вот и не отвечает, – отмахнулся Буров.

– Двадцатилетний парень спит в двадцать один ноль-ноль?! Ты в своём уме, Толик?!

Анатолий Сергеевич с недовольством забрал мобильник у жены. После продолжительных длинных гудков, сын, наконец, оказался на связи.

– Да, папа.

– Лёха, ты почему не берёшь трубку! – заорал Буров. – Мать беспокоится!

– А не о чем беспокоиться, папа. – У тебя электричество есть?

– Есть.

– Пусть холодильник продолжает размораживать, – подсказала супругу Бурова. – Я завтра приду, помою.

– Мать говорит, чтобы ты холодильник не включал.

– Хорошо.

– Ладно, до встречи. И ты, это, vedi себя хорошо. А то мать тут переживает за тебя, причём на ровном месте. Ведь на ровном?

– У меня всё отлично, отец. Так и передай маме.

– Я передам. А ты вот что, спать ложись. Понял?

Буров положил телефон и книгу на тумбочку.

– Ну вот, Машенька, с нашим Лёхой всё в порядке. Давай-ка спать, завтра рано на работу вставать.

Анатолий Сергеевич погасил бра со своей стороны, он думал, что его жена проделает то же самое, но Мария Николаевна вскопала с ложа и твёрдо приказала:

– Заводи свой "жигуль", Анатолий! Едем к сыну.

– **А**лексей, выходи! – Выходи, подлый трус!

Услышав крики с улицы, Алексей вновь вышел на балкон. Внизу, хорошо различимы, стояли молодые люди. Виктор, Димка, Ирина, Татьяна – все были в сборе.

– Здравствуйте, люди! – лихо прокричал Алексей.

– Здоровей выдали!

– Хватит болтать!

– Давай – зажигай, Лёха!

– Лёша, покажи класс!

Последний возгласом был возглас

Ирины.

– Ага, сейчас, покажу. Я вам всем... покажу... класс... – пробормотал Алексей.

Перила были без деревяшек – обычный железный ржавый уголок. Алексей погладил его – скользкий. Это от нудного дождика. И снова юноша посмотрел на небо. Зачем? А в небе произошло чудо: сквозь тучевую хмарь проглядывались редкие звёздочки.

Чудны дела твои, Господи. Алексей в левой руке сжал телефон и перелез через перила балкона. Внизу стало тихо. Алексей освободил ноги от опоры.

– Не надо, Лёшка! – взвизгнула Ирина.

Тут к дому, где всё это происходило, резко подъехал "жигулёнок", из него выскочили Буровы – Анатолий Сергеевич и Мария Николаевна. Женщина что-то закричала на ребят, потом что-то кричала сыну. Буров тем временем забежал в подъезд.

Алексей висел на одной правой руке, в левой у него был телефон. Парень направлял на себя мобильник. Секунда, другая, минута... Юноша почувствовал, что слабеет. Вниз, с четвёртого этажа, полетел, кувыряясь, телефон.

Алексей левой рукой попытался дотянуться до ржавого уголка, но у него это не получалось. Пальцы его правой руки разжались... Скользко... Крик матери давил на ушные перепонки...

Сильные руки схватили Алексея за его правую руку и рубаху, сильные руки втащили парня на балкон и поставили на ноги.

– Отец... Папа...

– Тихо, тихо, сынок. – Анатолий Сергеевич обнял сына. – Всё хорошо. Эх, балбес ты мой, балбес. Испугался?

– Ага. Но не за себя, за маму...

– Толя, ты где? Алексей! – в квартире зашумела запоздавшая Мария Николаевна. – Алёшенька!

– Мама, я здесь, на балконе! – ещё не оправившимся голосом отозвался сын.

Буровы – старший и младший – поторопились уйти с балкона. Мария Николаевна с рёвом и кулаками бросилась на Алексея.

– Что же ты делаешь с нами, со мной! А если бы ты разбился насмерть?!

– Это обычное селфи, мама. Ничего страшного, – оправдывался сын, пытаясь обнять мать. Наконец, это ему удалось, и он усадил Марию Николаевну на диван.

– Собирай вещи, Алексей, будешь жить с нами! – выпалила Бурова, держась за сердце.

– Мама, ну всё же обошлось.

– Отец! А ты что молчишь?! – не унималась Мария Николаевна.

– Всё же обошлось, Маш. Ты успокойся. А Лёху я выпорю!

– Согласен на любую экзекуцию... Не скоро, но женщина перестала реветь. Справа и слева от Марии Николаевны сидели мужики Буровы, они обнимали дорогую им женщину.

– Не, мама, я как жил, так и буду жить отдельно, – тихо, но с явным упрямством сказал Алексей.

– Толик! Не молчи! – снова закипала Бурова.

– Может это и правильно, – почесал себе затылок Анатолий Сергеевич. – Слышь, Лёха, мы тут с матерью подумали... поступай на коммерческой основе... вытнем... непонятно к чему промолвил Анатолий Сергеевич.

Бурова с благодарностью посмотрела на мужа, затем – с решимостью заставить принять правильное решение – на сына.

– Спасибо, пап. Я поступлю в университет, но только на следующий год. И обязательно буду учиться... на бюджетной основе. А пока что я как следует подготовлюсь. А ещё я найду себе работу и помогу вам с ипотекой.

– Эт-то речь не мальчика, но мужа, – воспрянул старший Буров. – Кстати, к нам на завод людей набирают. Пойдешь ко мне на участок? Пока, правда, учеником слесаря, но потом сдашь на разряд.

– А что? А и пойду. И ещё вот что... мама, отец... я обязательно стану студентом, и я никогда вам не буду обузой.

– Какая ты нам обуза, сына, – уронила, но уже счастливую слезу Мария Николаевна.

Давно четверо молодых людей покинули двор. На дома легла осенняя, непредсказуемая ночь, но электричество в городе Z больше не отключали. По крайней мере, этой осенью.

Моя женщина варила борщ. Наша кухня, и без того маленькая, теперь казалась совсем крохотной, потому что в ней кроме меня находилась ещё моя женщина. Она стояла у плиты и варила борщ.

– Милый, – прошептала она, развернувшись ко мне, – сегодня... – она отклеилась из поварёшки, – у нас – борщ.

– Ой ли, – усомнился я, сидя за кухонным столом и загордившись газетой.

– Ах, ты сомневаешься? Ничего себе! – моя женщина нахмурилась, но ненадолго. Она хитро прищурилась. А я настороженно вздрогнул, поглядывая на неё поверх газеты.

– Милый, у нас будет борщ, – настойчиво пообещала мне моя женщина. – С мясом, капустой, свеклой, картофелем, свежим помидором, морковкой, петрушкой и чесночком.

– Ты ничего не забыла?

– Я? – она снова окунула поварёшку в кипящую кастрюлю. Отклеилась. Ещё отклеилась. Наконец сказала, причмокивая: – Ты прав, милый.

– Началось, – выдохнул я и уткнулся в газету.

– Я огурцов туда порежу. Солёныхких.

– Угу, – отозвался я без оптимизма. Я слышал, как она нашинковала огурцы, спустила их в кастрюлю и туда же снова окунула поварёшку. За-

Моя женщина

причмокивала:

– У-у-у, милый! Какая вкуснятина! Правда, лучка не хватает зелёного. – В ход пошёл лучок. – И грибов. Опят. Свежих.

– Это что-то новенькое, – сказал я. Шинкование...